

Этнография и фольклор народов Южного Урала

Русская свадьба

УДК 391/395
ББК 63.5 (2)

Научный редактор
кандидат исторических наук
В.М.Кузнецов

Технический редактор
Д.А.Алпатов

Рецензенты

Кафедра древнерусской литературы и фольклора
Курганского государственного университета
Зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор
В.П.Фёдорова

Кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник отдела археологии
и этнологии Института истории и археологии УРО РАН
Е.В. Перевалова

Этнография и фольклор народов Южного Урала: Русская свадьба. Сб. науч. статей / Под ред. В.М.Кузнецова. Челябинск. — Издательство ООО «Полиграф-Мастер». — 2006. — 236 с. Илл. — 39.

Этот сборник научных статей открывает новую серию книг «Этнография и фольклор народов Южного Урала». На основе материалов этнографических экспедиций, архивных документов, редких дореволюционных публикаций дано подробное описание свадебных застолий и кушаний, обрядовой одежды и приданого, песен и фольклора, приводится характеристика локальных традиций оренбургского казачества, горнозаводского населения и крестьян-переселенцев Челябинской области и сопредельных территорий. В сборнике впервые публикуются ноты, карты, фотографии и рисунки.

Для этнографов, фольклористов, краеведов и широкого круга читателей.

ISBN 5-94288-111-1

© Коллектив авторов, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	4
Статьи и исследования	
Кузнецов В.М. История изучения русского свадебного ритуала на Южном Урале и дальнейшие перспективы фольклорно-этнографических исследований.....	8
<i>Материальные компоненты свадебной обрядности</i>	
Артюшкина Е.И. Состав и роль приданого в свадебной обрядности русского населения Южного Урала в конце XIX — середине XX вв.....	27
Кузнецов В.М., Мальцева О.Ю. Свадебные застолья и пища у русских на Южном Урале в середине XIX — середине XX вв.....	38
Новикова О.В. Свадебная одежда оренбургских казаков в конце XIX — середине XX вв.....	50
<i>Локальные свадебные традиции</i>	
Моисеева С.А. Свадебная вечерка русских горнозаводских сёл Белорецкого района Башкортостана.....	60
Баскакова Н.А. Свадебные обряды горно-лесной зоны Южного Урала.....	67
Чайко Е.А. Свадебные обряды в горнозаводских районах Челябинской области в 1950-60-е гг.....	75
Пядышева Л.Л. Свадебные обряды калужских переселенцев в деревне Серпиевка.....	85
Расина И.Л. Свадебные обряды южноуральских тютняров.....	94
<i>Свадебный фольклор</i>	
Ткач Е.С. Образ парня-жениха в русских частушках Белокатайского района Башкортостана.....	104
Моисеева С.А. Концепт «смерть» в свадебных обрядах и фольклоре русских горнозаводских сёл Башкортостана.....	113
Чайка-Ованесян Л.Г. Песенный фольклор южноуральской русской свадьбы...118	
Шевякова Н.А. Реконструкция свадебного ритуала и фольклора при заводской деревни Орловка.....	133
Материалы и публикации	
Ноты и тексты.....	140
Карты.....	184
Иллюстрации.....	188
Успенская Н.Н. Опросник для сбора материала о традиционной русской свадьбе.....	210
Селезнева И.Р. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ЧелГУ о свадебной обрядности в русских сёлах Республики Башкортостан....	214
Литература	217
Сведения об авторах	232

ЛОКАЛЬНЫЕ СВАДЕБНЫЕ ТРАДИЦИИ

С.А. Моисеева

Свадебная вечерка русских горнозаводских сёл Белорецкого района Башкортостана

Русские сёла Белорецкого района (Кага, Верхний Авзян, Нижний Авзян, Узьян, Тирлян, Ломовка, Лапышта, Зигаза, Тукан и др.) были образованы в середине XVIII в. как крестьянские поселения при металлургических заводах на территории Башкирии. Несмотря на сложный этнический состав населения данной территории, русские сёла сохранили и по сей день относительную стабильность и однородность коренного населения. Всё это, на наш взгляд, могло способствовать сохранности и чистоте исконно русских обычаев, обрядов и фольклора. Это предположение подтверждают фольклорно-этнографические экспедиции лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. В материалах экспедиций наиболее полно представлены материалы по свадебной обрядности в данной локальной традиции.

Последний вечер перед свадьбой в русских горнозаводских сёлах Белорецкого района был строго ритуализован и назывался *свадебная вечерка* или *большая вечерка*, композиционный и психологический рисунок которой, на наш взгляд, повторял первый свадебный день. В свою очередь, вечерка представляла собой контаминированный ритуально-мифологический цикл, первая часть которого сопоставима с семантикой ритуалов *девичника*, предположительно функционировавшего в местной свадебной традиции в начале XX в. На момент фиксации экспедиционного материала информанты девичником называли «*недельные посиделки у невесты*». Когда девичник перестал функционировать как самостоятельный обряд досвадебной церемонии, отдельные его фрагменты объединились с развлекательной частью вечерки. По свидетельствам информаторов, рождённых до 1910 г., в начале XX в. вечерка собиралась в доме жениха. К 1930-м гг., по причине того, что девичник стал проводиться у невесты, её дом становится ритуальным пространством нового контаминированного досвадебного действия — *большой вечерки*, вторая часть которой — развлекательная, игровая, сопоставима с календарно-молодёжными вечерами — *особками*, *ссыпками*.

Вечером в доме невесты собирались подружки, которые усаживали её *под иконы*, то есть в красный угол избы. Рядом с невестой по обе стороны от неё находились *задушевные* подружки. Ожидая жениха, подружки пели

«заунывные» песни: «Ой, да ты калинушка, эх, размалинушка», «Что ты, пташка, приуныла», «Не сиди-ка, девка, долго вечером». Ни один из перечисленных текстов не является собственно свадебным, и исполнялись когда-то эти песни на простых вечерках и посиделках. Стрессовая ситуация ожидания предстоящей свадьбы — перехода в другой род — семью для девушки-невесты психологически сопоставима с состоянием смерти, отсюда и основные мотивы вечерошных песен перед приходом жениха. «Молода жена ждёт — печалится», «Что ж ты, пташка, приуныла? Что ж ты песни не поёшь? Злой злодей построил клетку для погибели моёй», «Не сиди-ка, девка, долго вечером, ты не жги, не жги свечку сальную, ты не жди-ка, не жди, сваю друга милыва» [Русские свадебные песни: 24-28]. Таким образом, первая композиционная часть большой вечерки своим минорным тоном психологического настроя и составом участников (партия девушек — подруг) сопоставима с обрядами и фольклором как девичника, так и утра венчального дня. Функциональная нагрузка этой группы, прежде всего, была связана с психологической подготовкой невесты к переходу в новый статус замужних: девушки прощались со своей подругой, отсюда мотивы «печали», «разлуки», «смерти-погибели», «слёз».

С появлением партии жениха психологический настрой вечерки резко менялся — начиналось веселье, которое в свою очередь имело двухчастную структуру. Заметим, что первую печальную композиционную часть вечерки от второй разделяет этикетная ситуация преподнесения женихом даров невесте — семечек, орехов, пряников, конфет. Это позволяло утвердить уже существующие социальные отношения между участниками этикетной ситуации, как формы символического поведения, возникшего на основе ритуала, архаические корни которого представлены предметным кодом даров — орехов. Семантической заменой орехам являются семечки, имеющие кожуру снаружи и ядро внутри, что в свою очередь соотносимо с яйцом — символом жизни. В современных исследованиях отмечается, что орехи «относятся к растениям, питающим и продлевающим жизнь...», они считаются обрядовым дарением и жертвоприношением...», связаны с мотивом «еды», семантически сопоставимым с мотивами «смерти / поедания» и «возрождения / обновления»» [Федорова В.П. 1997: 117–118].

Заметим, что такие же дары преподносились девушкам во время осенне-зимних посиделок и в первый свадебный день при выкупе невесты женихом. Далее, как и утром венчального дня, после даров жениха величали. «Во горнице во новой, ещё кто у нас холостой», «Ой, калинушка, калинушка» [Русские свадебные песни: 17, 22]. В первом тексте величания обозначены мотивы «бурана — ветра», срывающего «фуражку со кудрей» молодца.

Мотив «сорванного / брошенного головного убора» современным исследователем расценивается как «старый этикетный жест: снятия головного убора перед понравившейся девушкой». В то же время «бросание головного убора наземь может символизировать... знак отречения от прежнего статуса “доброе молодца”, неженатого парня» [Морозов И.А.: 106].

Второй текст связан с образом — символом «калинушки» — невесты. Не случайно в местной традиции девушка, достигшая брачного возраста, обязательно должна была в своём гардеробе иметь *запон* — фартук с вышивкой, называемый здесь *калинка*. Также в обозначенном тексте выделяются мотивы «щепания / ломания» веток «калинушки», мотив «опьянения / транса / временной смерти жениха» и мотив «разувания», которые связываются с эротической символикой, что сближает этот текст с обрядовой ситуацией «брачной ночи» [Морозов И.А.]. Возможно, когда-то указанная песня и сопровождала ритуал «разувания» жениха невестой перед брачной ночью. Кроме всего прочего, в тексте прочитывается и мотив «узнавания» невестой жениха: «Я бы рада, разобуть, да не знаю, как зовут; побежала я к соседу, успросила как зовут...». Таким образом, невеста и жених определены, выделены из участников обрядовой ситуации и узнаны друг другом. Утверждение же социальной иерархии участников происходило посредством игровых форм поведения молодёжи, что обеспечивало непрерывность развёртывания общего сценария их жизни (проживание ими календарно-матримониального года).

Игровые песни, которые звучали на большой вечерке в регионе, объединены в цикл, называемый *у венщик ходить*. Песенно-игровой цикл *венщик* представлял собой контаминацию хороводно-игровых и плясовых песен, кинетический код которых связан с круговым и линейным видом хореографии. Основой же кинетического рисунка является хождение под песни «парами». Примечательно, что игровые пары дифференцировались: центральной парой были жених и невеста, затем пара, которая следующей будет играть свадьбу (она располагалась напротив жениха и невесты), далее по кругу друг напротив друга выстраивались вначале «хорошие», сложившиеся и закрепленные масленичными ритуалами, пары; затем — «плохие» пары, ещё не закреплённые чувством и социумом. Таким образом, пары выстраивались от двух «полюсов» — жениха с невестой и следующей брачной парой — по кругу, но отчасти используя линейно-кинетический рисунок. Идея замыкания пространства в круг, возможно, здесь связана с семантикой ограждения от воздействия потустороннего мира. Движение пар происходило по кругу: парень и девушка в «хорошей» паре сходились у «полюса» жениха с невестой и начинали движение вдоль избы; «плохие»

пары сходились у противоположного «полюса» и выполняли те же движения. Во время хождения девушка и парень могли держаться за руку через платочек, который девушка специально вышивала для своего жениха и дарила на Красную горку или Троицу.

Важно, что кинетический код игрового цикла свадебной вечерки существенно отличался от хореографии игровых песен календарного цикла, когда в центре оказывался один из участников игры. Двигаясь по кругу, он выбирал себе пару, при этом девушка передавала выбранному ею парню вышитый платочек — таким образом, происходил выбор пары и его символическое закрепление. Ещё одним отличием являлась строгая закреплённость определённого набора песен за каждой парой в свадебной вечерке, что не наблюдалось в играх календарного цикла. Как правило, игра начиналась с *проходки* жениха и невесты, для которых исполнялась первая песня «Венщик». Далее в центре оказывалась следующая за женихом и невестой пара, для которой звучали «Зайньки». В сс. В. и Н. Авзян зафиксировано несколько вариантов таких текстов, исполнявшихся, как правило, друг за другом для «хороших» пар: «Когда в венщик играем, то приговариваем»:

1. Зайнька по горенке
Бегом бежит, бегом...
2. Зайка серенький,
Глаз веселенький.
3. Зайка в сторону скошил,
Щаю, кофию купил.
4. Зайнька окол саду,
Серенький окол саду...
5. Зайка, зайка,
Что с тобой?... [Беляева О.И.]

«Зайньки», по материалам дореволюционного сборника, входили в число наборных хороводных игр с участием парней, в которых происходило символическое «переженивание» всех участников посредством поцелуя [Шейн П.В.]. Символика «переженивания» сохранилась и в текстах локальной традиции: «Уж он тут против девки, и уприседушки, и усяко. Вот тут вот он цалуить. Знацить, он уводит какую-нибудь девку. А потом опять пляшуть, это если есть ребята. А если одни девки, знацить, девка девку уводит» [Беляева О.И.]. Информаторы, рождённые до 1915 г., связывают эту игру с весенними хороводами. К середине XX столетия «Зайньки» вошли в свадебный игровой цикл у венщик, при этом изменился хореографический рисунок кинетического кода: пляска заменяется проходочным шагом при сохранении быстрого

темпа. Вслед за «Зайнками» исполняли вновь жениху и невесте песню:

Брала, брала ягодку-земляничку,
Напоролa ноженьку на былинку...

В игровом фольклоре, а особенно в свадебном, символика непокрытых рук / ног была связана с нарушением поведенческого комплекса девушки / невесты и всегда представляла определённую угрозу быть обманутой, покинутой.

Любил меня миленький да недолго,
Помнил меня миленький да годочек.
Уехал мой миленький в городочек.

В названной песне, несмотря на нарушение запрета, девушка выдерживает испытание любовной игры:

А я за ним девица не гонюся.
Гонится, гонится его душа за мной,
Его душа за мной, за русью косой.

В 1969 г. преподавателем Магнитогорского пединститута В.А. Сенкевичем в с. Н.Авзян были зафиксированы тексты песен, некогда входившие в игровой цикл «У венщик», но уже в 1990-е гг. информаторами эти тексты не вспоминаются. Среди этих текстов обращает на себя внимание песня:

Круг я бережку ходила молода
Белу рыбицу ловила для себя.
Распрогневылись ребятушки,
Доложили моей матушки.
Моя матушка не лиха, не добра,
Посылает капустку полоть.
Я полю, полю, напалываю,
Всё на солнышко споглядывью.
Высоко ли красно солнышко взошло,
Да высоко её туманом занесло,
За туманщиком не видно нищиво.
Приходил ко мне молодщик молодой,
Приносил мне подарок дорогой.
Я, наверно же, подарок не сприму.
Т тебе, молодец, наверно, полюблю,
Поцалую, назад провожу [Казармщикова А.Д.].

В центре текста мотив «ловли рыбы» девушкой, семантика которого связана как с темой «смерти», так и с «рождением», поскольку немота как признак мира мёртвых играет существенную роль в представлениях о рыбе как о «душах умерших» и «душах детей, ещё не появившихся на свет».

В 1997 г. Т.И. Рожковой в с. В. Авзян записан текст песни «Я качу, качу золото кольцо»: «Жених с невестой по кругу ходили у венщик, а им пели эту песню» [Коновалова В.С.]. Записанный в 1997 г. текст является ущербным: он потерял свою формульную концовку: «Ты поставь её среди горницы, / Среди горницы против матицы / Подойди к нему близёшенько, / Поклонись ему низёшенько, / Поцелуй ты его милёшенько». Полный вариант текста этой песни в 1961 г. был записан в с. Узян. Как правило, заканчивается этот игровой цикл песней «Из вешерки девка шла, / Молодчика провела», исполнявшейся брачной паре, которая собиралась следующей играть свадьбу [Точилкина П.Б.].

Все эти песни, в основном, имели формульные концовки, мотивирующие выбор партнера и смену в центре. По окончании игрового танца, парень целует девушку, с которой ходил по центру круга, затем пара вставала на свое прежнее место, а в центре круга оказывалась следующая пара. Так эта игра продолжалась, до тех пор, пока каждая пара ни побывает в центре круга.

«Плохим» парам, как правило, исполнялись коротенькие куплеты, предполагавшие быстрый выбор. Это сопоставимо, видимо, с семантикой необдуманного (плохого) решения. Два таких текста было зафиксировано В.А. Сенкевичем в 1969 г., в последующих экспедициях такие тексты не были зафиксированы [Календарно-обрядовый фольклор: 228, 230]. Итак, в ходе игры посредством поцелуя происходило символическое переженивание брачных пар, уже сложившихся во время особок, посиделок и хороводов. Поцелуй в конце песни сопоставляется с символикой «брачной ночи» [Морозов И.А.: 80].

Таким образом, большая вечерка горнозаводских сёл Башкирии представляла собой своего рода «перекрёсток» русской календарной и свадебной обрядности, композиционно повторяя первый свадебный день, который заканчивался ритуалами брачной ночи. На вечерке исполнялся ряд хороводных и плясовых песен, приуроченных к календарным циклам. При сохранении одних и тех же песен, одновременно приуроченных к календарным праздникам и к свадебной вечерке, изменялся хореографический рисунок игры. Это было связано с характеристикой разных ситуаций в системе социовозрастного символизма, когда свадебная вечерка констатировала факт уже сложившейся социовозрастной иерархии молодёжного коллектива, а календарный контекст представлял собой процесс складывания этой иерархии. Наконец, свадебная вечерка оформлялась посредством ритуализованных, этикетных и игровых форм поведения молодёжи, в основе которых лежали архаические мотивы с инициационно-испытательной и брачно-эротической символикой. Это

позволяет нам говорить о свадебной вечерке как о контаминированном ритуально-мифологическом комплексе календарной и свадебной обрядности.

Использованные источники

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций 1964, 1995-1999 гг. в Белорецкий район Республики Башкортостан. Архив лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета.

Краткие сведения об информаторах

Беляева О.И. Род. в с. Н. Авзян Белорецкого района Республики Башкортостан, 1913 г.

Казармщицова А.Д. Род. в с. Н. Авзян Белорецкого района Республики Башкортостан, 1892 г.

Коновалова В.С. Род. в с. В. Авзян Белорецкого района Республики Башкортостан, 1935 г.

Точилкина П.Б. Род. в с. Узян Белорецкого района Республики Башкортостан, 1886 г.